

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-36-41
УДК 911.52:327:338.12(045)

Стратегия России в Арктике: энергетика, инфраструктура и безопасность

Н.В. Михайлова^а, Л.О. Мурадян^б, Ф. Папаратто^с

^{а,б} Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация;
^с Пизанский университет, Пиза, Италия

АННОТАЦИЯ

Арктический регион, ранее воспринимавшийся как отдаленная и труднодоступная территория, в последние десятилетия приобрел ключевое геополитическое и экономическое значение, особенно для России, рассматривающей его как зону стратегических интересов. Климатические изменения и таяние льдов открывают новые перспективы в области транспортных маршрутов, доступа к ресурсам и безопасности, что заставляет Москву пересматривать арктическую политику. Стратегические приоритеты России в регионе включают усиление военного присутствия, освоение углеводородных месторождений и развитие Северного морского пути (СМП). Управление Арктикой формально осуществляется семью приполярными государствами через Арктический совет, однако его полномочия ограничены экологическими и социально-экономическими вопросами, исключая военно-политическую сферу. Внешнее влияние на регион усиливается со стороны неарктических государств, особенно Китая, позиционирующего себя как «почти арктическое государство». Стремление КНР расширить свое присутствие в регионе, несмотря на декларируемую приверженность научному и экономическому сотрудничеству, вызывает озабоченность у арктических стран и может привести к усилению конкуренции и потенциальной дестабилизации ситуации в регионе.

Ключевые слова: Арктика; энергетическая безопасность; Северный морской путь; военная инфраструктура; геополитика; Россия; Китай; США; Европа

Для цитирования: Михайлова Н.В., Мурадян Л.О., Папаратто Ф. Стратегия России в Арктике: энергетика, инфраструктура и безопасность. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):36-41. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-36-41

ORIGINAL PAPER

Russia's Arctic Strategy: Energy, Infrastructure and Security

N.V. Mikhaylova^а, L.O. Muradyan^б, F. Papatatto^с

^{а,б} Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation;
^с University of Pisa, Pisa, Italy

ABSTRACT

The Arctic, traditionally perceived as a remote and inaccessible territory, has acquired key geopolitical and economic importance in recent decades, especially for Russia, for which this region remains a zone of strategic interests. Melting ice caused by climate change is opening up new prospects for transport routes, access to resources and security, prompting Moscow to reconsider its Arctic policy with an emphasis on military presence, hydrocarbon development and the development of the Northern Sea Route.

Governance of the Arctic is formally carried out by eight circumpolar states within the framework of the Arctic Council, but its mandate is limited to environmental issues and sustainable development, excluding the military-political sphere. In recent years, the influence of extra-regional actors has been growing, in particular China, which, positioning itself as an “almost Arctic state,” seeks to strengthen its presence in the region. Despite statements of commitment to scientific and economic cooperation, China's activity raises concerns among Arctic countries, exacerbating competition and potentially destabilizing the situation in high latitudes.

Keywords: Arctic; energy security; Northern Sea Route; military infrastructure; geopolitics; Russia; China; USA; Europe

For citation: Mikhaylova N.V., Muradyan L.O., Papatatto F. Russia's arctic strategy: Energy, infrastructure and security. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):36-41. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-36-41

ВВЕДЕНИЕ

Арктический регион остается одним из последних крупных нефтегазоносных бассейнов мира с существенными неразработанными запасами углеводородов. Согласно оценке Геологической службы США (USGS, 2008), в Арктике сосредоточено порядка 412 млрд бр нефтяного эквивалента, включая 90 млрд бр нефти, 47 трлн м³ природного газа и 44 млрд бр газового конденсата. При этом около 84% этих ресурсов расположены в шельфовой зоне [1].

Российская Федерация владеет доминирующей долей арктических углеводородных запасов, контролируя приблизительно 58% всего природного газа региона, основные месторождения которого сосредоточены в Западной Сибири и Баренцевом море. Для Российской Федерации освоение Арктики имеет многофакторное стратегическое значение, что отражено в ключевых государственных документах, включая «Энергетическую стратегию России до 2035 года» (ЭС-2035)¹.

Аспекты глобального значения включают:

1) геополитический инструмент: усиление позиций России как энергетической сверхдержавы и расширение влияния на глобальных энергорынках;

2) экономическую безопасность: снижение зависимости бюджета от традиционных месторождений Западной Сибири, где наблюдается истощение ресурсной базы;

3) внешнеполитическое влияние: использование энергоресурсов как рычага давления на страны-импортеры, особенно в условиях санкционного давления.

Согласно ЭС-2035, к 2035 г. доля арктической нефти в общероссийской добыче должна возрасти с 17,3% (2018 г.) до 26%, в то время как доля добычи арктического газа сохранится на уровне 79%, что подчеркивает критическую роль региона в поддержании энергетического баланса страны [2].

Для реализации ресурсного потенциала Россия активно развивает арктическую инфраструктуру, включая добывающие комплексы, СПГ-заводы и логистические маршруты:

- Ямал СПГ (НОВАТЭК, с 2017 г.) — мощность 17,45 млн т в год, обеспечивает более половины российского производства сжиженного газа;

- Arctic LNG 2 (Гыданский полуостров) — запланированная мощность 19,8 млн т в год, первый технологический модуль запущен в I кв. 2024 г.;

- Murmansk LNG — проект на 20,4 млн т в год с использованием гравитационных платформ, ввод в эксплуатацию ожидается к 2027 г.;

- Portovaya LNG (Газпром, 2022 г.) — маломасштабный терминал (1,5 млн т в год), успешно осуществляющий поставки в Китай по Северному морскому пути (СМП);

- Восток Ойл (Роснефть) — нефтедобывающий проект с целевым объемом 115 млн т в год к 2030 г., включающий строительство терминала Бухта Север и 770-километрового трубопровода.

Несмотря на амбициозные планы, развитие арктических проектов сталкивается с рядом структурных и внешнеполитических ограничений:

- технологические санкции: ограничение доступа к западным технологиям, включая турбинное оборудование для СПГ;

- климатические условия: экстремально низкие температуры, вечная мерзлота и ледовые нагрузки усложняют добычу и транспортировку²;

- логистические риски: зависимость от Северного морского пути (СМП), требующего ледокольного сопровождения [3].

Российская Арктика играет ключевую роль в долгосрочной энергетической стратегии страны. Однако успешная реализация проектов требует не только инвестиций и технологий, но и адаптации к санкционному режиму и экстремальным условиям региона. В случае преодоления этих вызовов Арктика может стать новым глобальным энергетическим хабом, укрепляющим позиции России на мировом рынке углеводородов [4].

ПЛАНИРУЕМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

1. Инвестиционные планы в сфере производства сжиженного природного газа (СПГ). Стратегические амбиции Российской Федерации в Арктике подкрепляются масштабными инвестиционными программами, направленными на увеличение национальных мощностей по производству сжиженного природного газа (СПГ). Согласно планам, к 2030 г. объемы производства СПГ должны возрасти с 30,3 млн т (2024 г.) до 100 млн т, что позволит России занять около 20% мирового рынка. Данный тренд отражает переориентацию с традиционных трубопроводных поставок (преимущественно

¹ Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности до 2035 года».

² Ло Б. Игра на адаптацию — Россия и изменение климата. Россия. Евразия. Видение. URL: <https://www.ifri.org/en/papers/adaptation-game-russia-and-climate-change>

в Европу) на морские поставки, ориентированные на азиатские рынки [5].

Среди ключевых проектов, формирующих основу данной стратегии, можно выделить следующие:

- Arctic LNG 1 и 3 — проекты мощностью 19,8 млн т СПГ в год каждый, находящиеся на начальных стадиях реализации;

- Обский СПГ — изначально разрабатывавшийся как комплекс по производству газа и голубого аммиака, проект временно приостановлен, но сохраняет значимость в долгосрочной перспективе;

- Якутский СПГ (ЯТЭК) и расширение «Сахалин-2» — дальневосточные терминалы, призванные усилить позиции России на азиатских энергетических рынках;

- Тамбейский СПГ — перспективное, но спорное месторождение, за разработку которого конкурируют Газпром и НОВАТЭК [6].

Несмотря на амбициозность планов, их реализация может столкнуться с рядом вызовов, включая финансовые ограничения, технологические барьеры, а также усиление конкуренции со стороны Катара и США, что способно повлиять на сроки и рентабельность российских проектов.

2. Северный морской путь: логистическая артерия и инструмент геополитического влияния. Северный морской путь (СМП) приобретает ключевое значение в транспортной стратегии России, обеспечивая сокращение маршрута между Европой и Азией на 30–40% по сравнению с традиционными маршрутами через Суэцкий канал. Объемы грузоперевозок по СМП демонстрируют устойчивый плавный рост: с 10,7 млн т в 2017 г. к 37,9 в 2024 г. [7]

СМП выполняет двойную функцию: с одной стороны, он облегчает экспорт энергоресурсов в Азию, минуя геополитически нестабильные регионы, с другой — укрепляет позиции России в Арктике за счет контроля над судоходством. Иностранные суда обязаны согласовывать маршруты с российскими властями и в большинстве случаев следовать правилам лоцманской проводки, что вызывает недовольство западных стран.

Однако текущая инфраструктура СМП близка к пределу пропускной способности, что стимулирует Россию к активным инвестициям в развитие арктической логистики, включая модернизацию ледокольного флота (включая атомные ледоколы Росатомфлота) и навигационных систем [8].

Особый интерес к СМП проявляет Китай, рассматривающий его как часть «Полярного шелкового пути». Однако возможен конфликт интересов:

Россия настаивает на суверенном контроле над маршрутом, тогда как Китай выступает за его интернационализацию [9].

3. Роль НОВАТЭКа в развитии арктического СПГ. Компания трансформировала российский рынок СПГ, став ключевым игроком благодаря низкой себестоимости добычи, устойчивости к санкциям и эффективному внедрению модульных технологий строительства. Среди последних ее стратегических шагов:

- приобретение доли Shell (27,5%) в проекте «Сахалин-2» (2023 г.);

- использование либерализации экспорта СПГ;

- конкуренция с Газпромом за право разработки Тамбейского месторождения.

Проекты «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2» не только укрепили позиции России на мировом рынке, но и превратили Арктику в стратегический энергетический коридор.

Несмотря на санкции, НОВАТЭК продолжает реализацию проектов благодаря государственной поддержке и сотрудничеству с иностранными партнерами (Китай, TotalEnergies) [10]. Однако сохраняются риски, связанные с технологическими ограничениями и глобальной конкуренцией³.

4. Военно-стратегическое значение Арктики. Арктическая стратегия России включает не только экономические, но и военно-политические аспекты. Ключевые направления:

- 1) обеспечение ядерного сдерживания: Кольский полуостров остается центром базирования Северного флота, включая подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ). Модернизируется система А2/АД (запрет доступа и маневра) с развертыванием комплексов С-400, береговых ракетных систем «Бастион» и подразделений радиоэлектронной борьбы [11];

- 2) расширение операционных возможностей: в 2021 г. Северный флот получил статус отдельного военного округа, что усилило координацию между военно-морскими, сухопутными и аэрокосмическими силами;

- 3) защита экономических интересов: Военная инфраструктура вдоль СМП (базы в Тикси, Певеке) обеспечивает безопасность энергетических проектов⁴.

³ Арбатов А., Стефановский Д. Военная безопасность России в Арктике. Москва: Карнеги Москва Центр; 2019.

⁴ Корчунов Н. URL: <https://otr-online.ru/programmy/severnuy-morskoy-put/lyudi-arktiki-nikolay-korchunov-75195.html?ysclid=mejuh307kk781764742>.

5. Геополитическая конкуренция в Арктике.

Интерес США к региону, включая дискуссии о возможном приобретении Гренландии, подчеркивает растущее стратегическое соперничество. Для России ключевыми вызовами остаются: усиление присутствия НАТО в Арктике; необходимость балансирования между сотрудничеством с Китаем и защитой суверенитета над СМП [9, 10].

Арктика становится ключевым направлением экономического и военно-стратегического развития России. Успех арктических проектов будет зависеть от способности преодолеть финансовые, технологические и геополитические вызовы. В случае их реализации Россия сможет укрепить свои позиции как на энергетических рынках, так и в глобальной системе безопасности [12].

ВЫВОДЫ

Арктическая стратегия представляет собой не просто набор мер по освоению ресурсов или развитию транспортных коридоров, а комплексный пересмотр геополитической идентичности страны в условиях глобальных трансформаций. Через призму Арктики Россия переосмысливает свою роль в мировой экономике и системе безопасности, формируя стратегию, основанную на трех взаимосвязанных элементах: ресурсном доминировании, логистической трансформации и военно-политической секьюритизации.

В условиях кризиса традиционных моделей энергетического экспорта, особенно в Европу, Арктика становится для России пространством экономической адаптации. Переход от трубопроводной зависимости к морским поставкам, воплощаемый проектами НОВАТЭКа, демонстрирует сдвиг в сторону гибкой, технологичной и азиатско-ориентированной энергетики. Однако этот переход сопряжен с вызовами: технологическая зависимость, климатические риски и необходимость балансировать между сотрудничеством с Китаем и защитой суверенитета.

Секьюритизация Арктики — не возврат к логике холодной войны, а ответ на новые угрозы, включая климатическую нестабильность и геополитическую конкуренцию. Развертывание систем А2/АD, создание Арктического командования и доктрина «бастионной обороны» подчеркивают двойственную природу российской стратегии: защита экономи-

ческих активов через военное доминирование. Это превращает Арктику в плацдарм для проекции силы, но одновременно увеличивает риски эскалации с НАТО и Китаем.

СМП — ключевой элемент российской стратегии, сочетающий экономические выгоды и геополитические трения. Регулирование судоходства на основе статьи 234 UNCLOS и требования лоцманской проводки укрепляют квази-суверенитет России, но сталкиваются с сопротивлением Запада и растущими амбициями Китая. Потенциальные конфликты интересов, особенно в сфере контроля над инфраструктурой и свободы навигации, могут превратить Арктику в новую точку противостояния.

Будущее российской арктической стратегии будет определяться несколькими ключевыми факторами:

- отношения с Китаем: сотрудничество в области инвестиций и логистики постепенно сменяется конкуренцией за влияние;
- технологическая автономия: санкции стимулируют развитие собственных технологий, но отставание в критических секторах сохраняется;
- климатические риски: таяние мерзлоты и экстремальные погодные явления угрожают инфраструктурной устойчивости;
- международно-правовые споры: борьба за интерпретацию UNCLOS и статус СМП будет обостряться по мере роста судоходства.

Арктика для России — не просто регион, а стратегическое зеркало, отражающее ее подход к суверенитету, безопасности и глобальной интеграции. Это пространство, где ею предпринимаются попытки совместить оборонительную жесткость с экономической адаптацией, используя ресурсы, географию и военную мощь для компенсации давления в других регионах. Однако успех этой стратегии зависит от способности России балансировать между конфронтацией и сотрудничеством, инновациями и изоляцией, климатическими рисками и инфраструктурной устойчивостью.

В долгосрочной перспективе Арктика может стать либо краеугольным камнем российского влияния в XXI в., либо зоной стратегической перегрузки, где амбиции столкнутся с непредвиденными вызовами. Ответ на этот вопрос определит не только будущее региона, но и место России в меняющемся мировом порядке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Conley H.A., Melino M. America's Arctic moment: Great power competition in the Arctic to 2050. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies (CSIS); 2021. DOI: 10.5771/9781538140147

2. Buchanan E. Russian Arctic strategy: Intervention, investment, and regulation. *Laboratorium Russian Review of Social Research*. 2021;16(2):167–171. DOI: 10.25285/2078-1938-2024-16-2-167-171
3. Keil K., Knecht S., eds. *Arctic governance: Energy, living marine resources, and shipping*. London: Palgrave Macmillan; 2017. DOI: 10.1017/S 0032247418000499
4. Журавель В.П., Тимошенко Д.С. Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности. *Арктика и Север*. 2022;(49):105–124. DOI: 10.37482/issn2221–2698.2022.49.105
Zhuravel V.P., Timoshenko D.S. The Russian Arctic in the period of sanctions pressure and geopolitical instability. *Arctic and North*. 2022;(49):105–124. (In Russ.). DOI: 10.37482/issn2221–2698.2022.49.105
5. Krivorotov A., Finger M. State-owned enterprises in the Arctic. In: Finger M, Heininen L, eds. *The GlobalArctic Handbook*. Cham: Springer; 2019:65–78. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_4
6. Lasserre F. Arctic shipping: A contrasted expansion of a largely destinational market. In: Finger M, Heininen L, editors. *The GlobalArctic Handbook*. Cham: Springer; 2019:101–20. DOI: 10.1007/978–3–319–91995–9_6
7. Østhagen A. *Geopolitics and security in the Arctic: Regional dynamics in a global world*. London: Routledge; 2020. DOI: 10.1177/1478929916677772
8. Sørensen CTN, Klimenko E. *Emerging Chinese-Russian cooperation in the Arctic*. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI); 2017. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-06/emerging-chinese-russian-cooperation-arctic.pdf>
9. Tsygankov A., ed. *Routledge handbook of Russian foreign policy*. 1st ed. London: Routledge; 2018. DOI: 10.4324/9781315536934
10. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Военная безопасность в Арктике: новые угрозы для России. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2024;16(3):127–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152
Konyshev V.N., Sergunin A.A. Military security in the Arctic: New threats for Russia. *Bulletin of the Moscow University. Episode 25. International relations and world politics*. 2024;16(3):127–152. (In Russ.). DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152
11. Laruelle M. *Russia’s Arctic strategies and the future of the far north*. Armonk, NY: M. E. Sharpe / Routledge; 2020. DOI: 10.4324/9781315700939
12. Загорский А.В. Сотрудничество и безопасность в Арктике. Москва: ИМЭМО РАН; 2020. DOI: 10.20542/978-5-9535-0570-3
Zagorskiy A.V. *Cooperation and security in the Arctic*. Moscow: IMEMO RAS; 2020. (In Russ.). DOI: 10.20542/978-5-9535-0570-3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Наталья Вячеславовна Михайлова — доктор политических наук, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Natalia V. Mikhailova — Dr. Sci. (Political), Prof. at the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-2842-9143>
mikhaylova_nv@pfur.ru

Лусине Овакимовна Мурадян — соискатель кафедры публичной политики и истории государства и права; педагог дополнительного образования института русского языка, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Lusine O. Muradyan — Applicant for the Department of Public Policy and History of State and Law; teacher of additional education at the Russian Language Institute, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-1367-2223>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
Muradyan_lo@pfur.ru

Федерико Папаратто — магистр, факультет политологии, Пизанский университет, Пиза, Италия; аналитик, Институт аналитиков международных отношений (IARI), Италия
Federico Paparatto — Magister, Department of Political Sciences (International Relations), University of Pisa, Italy; analyst, Istituto Analisi Relazioni Internazionali (IARI), Italy
<https://orcid.org/0009-0008-4246-7967>
fedepapa1997@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Н.В. Михайлова — руководство исследованием, методология, редакция итоговой статьи.
Л.О. Мурадян — разработка концепции, интерпретация данных, подготовка итоговой статьи.
Ф. Папаратто — методика сбора данных, сбор и интерпретация данных, написание первоначального текста.

Authors` contributions:

N. V. Mikhaylova — research management, methodology, redaction of the final article.
L. O. Muradyan — concept development, interpretation of data, preparation of the final article.
F. Paparatto — data mining and it's interpretation, original draft.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 17.06.2025; принята к публикации 11.07.2025.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article received on 17.06.2025; accepted for publication on 11.07.2025.
The authors read and approved the final version of the manuscript.